

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–14

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–14

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-4-14>

EDN: EXVAEH

Научная статья

УДК 811.161.1'1

Сложность как текстовая, языковая и метаязыковая категория

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. В статье осуществляется попытка систематизировать лингвистическое (языковое, метаязыковое, текстовое) содержание понятия *сложный* / *сложность*. Для этой цели анализируются лингвистические, а также нелингвистические контексты со *сложный* / *сложность*, прежде всего, с точки зрения оценочности и маркированности – немаркированности. Рассматриваются основные значения и синонимы сложности, сферы сложности (коммуникативные и некоммуникативные, ментальные (понятийные)), степени и цели сложности (различаются намеренная и ненамеренная – случайная, безразличная или нежелательная сложность), оценка сложности (показано, что в большинстве контекстов сложность несет негативную оценку, за исключением нескольких специфических групп контекстов). Выявляются терминологические и полутерминологические значения «сложного» в разных сферах. Обсуждается природа сложности как шифтерного понятия (диалектическое единство простоты ~ сложности). Много внимания уделяется так называемой простоте в простоте, реализующей уступительное значение простоты. Отдельное микроисследование посвящено лингвистическим контекстам сложности (сложность языка и языков, текста, речевой коммуникации, включая психологическую и социальную сложность отношений людей). Метаязыковая сложность и попытки ее преодоления обсуждаются в связи с семантическим метаязыком А. Вежбицкой, а также разными семиотическими типами «сложных» знаков, языков, текстов.

Ключевые слова: сложность, шифтерное понятие, оценочность, маркированность, семиотика, метаязык

Для цитирования: Дементьев В. В. Сложность как текстовая, языковая и метаязыковая категория // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–14. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-4-14>, EDN: EXVAEH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

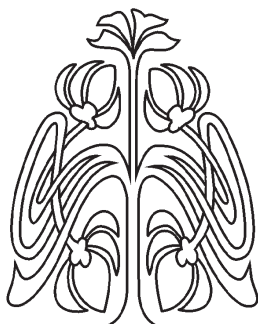
Complexity as a textual, linguistic and metalinguistic category

V. V. Dementyev

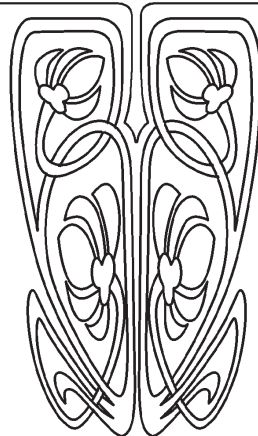
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

© Дементьев В. В., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article attempts to systematize the linguistic (metalinguistic, textual) content of the concept *complex / complexity*. For this purpose, linguistic and non-linguistic contexts with *complex / complexity* are analyzed, primarily from the point of view of evaluativeness and markedness – unmarkedness. The main meanings and synonyms of complexity, spheres of complexity (communicative and non-communicative, mental (conceptual)), degrees and purposes of complexity (intentional and unintentional – accidental, indifferent or unwanted complexity are distinguished), complexity evaluation (it is shown that in most contexts complexity carries a negative evaluation, with the exception of several specific groups of contexts) are revealed. The terminological and semi-terminological meanings of “complex” in different spheres are revealed. The nature of complexity as a shifter concept (dialectical unity of simplicity ~ complexity) is discussed. Much attention is paid to the so-called complexity in simplicity, realizing the concessive meaning of simplicity. A separate micro-study is concerned with linguistic contexts of complexity (complexity of language and languages, text, speech communication, including psychological and social complexity of human relationships). Metalinguistic complexity and attempts to overcome it are discussed in connection with the semantic metalanguage of A. Wierzbicka, as well as different semiotic types of “complex” signs, languages, texts.

Keywords: complexity, shifter concept, evaluativeness, markedness, semiotics, metalanguage

For citation: Dementyev V. V. Complexity as a textual, linguistic and metalinguistic category. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–14 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-1-4-14>, EDN: EXVAEH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Рассматриваем понятие *сложный / сложность* в одном ряду с понятиями *простоты, прямоты* [1, 2]: как и они, понятие *сложности* очень важно для культуры, картины мира (как научной, так и бытовой), концептосферы, коммуникации, языка, является шифтерным, т.е. входит в диалектическое единство со своей противоположностью (противоположность *сложности* в основном значении – *простота*), многозначно, оценочно амбивалентно, участвует в формировании терминов, в том числе лингвистических.

Но есть важные отличия данного понятия: во-первых, оно менее многозначно, чем, например, *прямой*, и менее оценочно амбивалентно, чем *простой*: контексты, в которых *сложный / сложно* имеет положительное значение, малочисленны и специфичны. Отрицательными являются производные *усложнять*, *мн. сложности* (то же, что *препятствия*), *мед. осложнения* (при болезни).

Второе важное отличие *сложности* от других шифтерных понятий состоит в том, что она, в оппозиции *сложно ~ просто*, в абсолютном большинстве случаев выступает маркированным членом, т.е. если что-то не характеризуется эксплицитно как *сложное*, то оно и не является таким – во всяком случае, отсутствует явная *сложность*, не требующая специального подхода и/или специальной аппаратуры для обнаружения.

Особое место в этом ряду занимают лингвистические контексты: в традиционной лингвистике термины со «сложный» и «осложненный» (и псевдоприставкой «сложно-») называют маркированные единицы: *сложное слово*, *сложное* и *осложненное предложение*, *сложные согласные* (=со сложной артикуляцией), *сложный инфинитив* (в испанском языке), а также тоже

маркированные понятия и модели: *сложные знаковые системы*, *сложные универсалии*. В современной антропологической, содержательно ориентированной лингвистике терминологические и полутерминологические характеристики со «сложный» и «осложненный» могут относиться и к немаркированным единицам (*содержательно осложненная непрямая коммуникация*). В особой группе лингвистических контекстов *сложный* выступает нетерминологической, но важной характеристикой: как *сложные* (более или менее *сложные*) характеризуются сами языки, а также различные языковые произведения, в том числе художественные (данная характеристика может быть определена как текстовая и/или метаязыковая).

Методика

В центре нашего внимания находятся те значения *сложности*, которые могут быть определены как лингвистические: сложность языка и языков, метаязыковая сложность, сложность речевой коммуникации и текстовая сложность.

Поэтому рассматриваются соответствующие – лингвистические контексты *сложности*, но не они одни: вначале анализируются нелингвистические контексты со *сложный / сложность*, поскольку именно от нелингвистических – референциальных и интенциональных – характеристик *сложности* производны лингвистические характеристики.

При рассмотрении нелингвистических контекстов *сложности* больше всего внимания уделяется оценочности и связанной с ней оппозиции маркированности ~ немаркированности (в паре *простота ~ сложность*). Именно оппозиция маркированности ~ немаркированности,

их асимметрия и дополнительные отношения и противоречия, развившиеся в паре *простота* ~ *сложность*, являются наиболее принципиальными для лингвистических значений *сложности*. Все они производны от соответствующих значений и оппозиций, существующих у нелингвистической *сложности*: хотя оценочность малоактуальна для лингвистической *сложности*, она рассматривается нами (в нелингвистических контекстах), поскольку именно ею во многом обусловлена оппозиция маркированности ~ немаркированности, принципиальная для лингвистической *сложности*.

Таким образом, поскольку в центре внимания находятся значения *сложности*, закономерно используется семантический анализ, но не он один: привлекаются элементы этимологического анализа, а также, при рассмотрении *метаязыковой сложности*, семиотический анализ, причем не только лингвосемиотический, который традиционно используется, например, при описании метаязыка А. Вежбицкой, но и общесемиотический, предполагающий сравнение знаков и знаковых систем разных типов (не только собственно языковых).

Результаты исследования

1. Основные значения *сложности*

Этимологически *сложный* в русском языке восходит к *сложЕНный* (*складывать*), т.е. «составленный из...», «комплексный». Подобная этимология и ряд современных значений у *сложный* и его синонимов существуют во многих других языках, например в английском (где большинство восходят к латинским): *complex*, *complicated*, *compound*, *composite*, *multiple* и *multiplex* и *multiplicate*, *perplexed*. Это значение выделяется как первое современными словарями (и единственное значение, от которого не образуется субстантив *сложность*): 1. *Только в полной форме*. Состоящий из нескольких частей, элементов; составной; 2. Представляющий собой систему многих взаимосвязанных частей; 3. Характеризуемый совокупностью многих переплетающихся явлений, признаков, отношений и т. п.; 4. Обладающий многообразными и противоречивыми качествами, свойствами, особенностями (о человеке, его характере и т. п.); 5. Представляющий затруднения для понимания, разрешения, осуществления; трудный [3, с. 250–251]. Таким образом, выделяемые словарями пять значений *сложного* сосредотачиваются вокруг

трех основных типов референтов: 1) сложность объекта, 2) сложность задания (син. *трудно*), 3) (в определенном смысле среднее между (1) и (2)) сложность его (объекта) осмысления, постижения, поиска, изучения («научная сложность»).

Синонимы сложного (интересно, что среди них большинство не в первом значении): *трудный* (и *трудоемкий*), *тяжелый*, *запутанный*, *противоречивый*, *комплексный*, *производный*, *скрытый*, *подспудный*, *хитрый*, *изоощренный*, *заумный*, *темный*, *амбивалентный*; с **не-**: *непростой*, *непонятный*, *неясный*, *непостижимый*, *недоступный*, *неочевидный*, *неоднородный*, *неоднозначный*, *неоднотонный*, *непрямой*, *непредсказуемый*, *невразумительный*; с **трудно-**: *трудноопределимый*, *труднопроходимый*; с **разно-**: *разнообразный*, *разносторонний*; с **много-**: *многозначный* и *многозначительный*, *многоаспектный*, *многофакторный*, *многоуровневый*, *многогранный*, *многовекторный*; а также с иностранными синонимами **много-**: *поли-* и *мульти-* (см. [4]). В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна *сложный* отсутствует (что наводит на размышления), есть *трудный*, синонимом которого считается *непонятный* [5, с. 663–668].

Среди **сфер сложности** выделяются коммуникативные и некоммуникативные, а также ментальные (понятийные): сложность в логике, осмыслении, обучении. В бытовой (ненаучной) картине мира также выделяются более и менее сложные сферы (математика воспринимается как явно более сложная сфера, чем, например, уборка). Существует также темпоральное измерение сложности: для прошлого – «было сложно сделать»; для прошлого, переходящего в настоящее (перфектного) – «было сложно сделать, но было сделано» / «было сложно сделать, поэтому не было сделано»; для настоящего – «имеем сложность и должны иметь с ней дело»; будущего – «задача, которую будет трудно выполнить»; «у нас будут какие-то отношения, и они будут сложными».

Степень сложности хорошо осознается и хорошо разработана в языке и речи, в отличие от *прямоты*, где степени нет или почти нет: *очень сложный* (*очень сложно*), *самый сложный*, *сложнейший* – частотные характеристики в речи (тоже в разных значениях); понятие высокой или высшей степени сложности играет важную роль в современной науке – ср. *изучение сверхсложных систем* [6–9], *суперсимметрия* [10] и *комплексология* [11].

Цели сложности: различаются намеренная сложность (тогда есть цели; сюда же относится сложность достижения цели, сложность поставленной задачи) и ненамеренная (случайная, безразличная или нежелательная).

Оценка сложности: как уже было сказано, *сложность* в большинстве случаев несет негативную оценку. Отрицательно оценивается сложность в межличностных отношениях, в бытовой логике – ср. характеристику «(Всё) сложно» в брачных объявлениях в информации о семейном положении¹, а также значение частицы *просто* «не надо излишне усложнять».

Небольшое положительное значение *сложности* сосредоточивается в технических контекстах: *сложными* являются модели, устройства, приборы, инструменты, механизмы, цель которых состоит именно в том, чтобы справиться со *сложностью* объекта – преодолевать или осмысливать. *Сложная аппаратура* – то же, что дорогая, ценная, могучая.

Следует отметить еще одну группу текстов с положительным значением, которая требует специфического философского взгляда, – это естественная *сложность* природы, жизни, разума, высоких чувств, в противоположность «простой» смерти, «животным» инстинктам и т.п. Положительная оценка здесь значительна и однозначна, но сама группа малочисленна и, как уже было сказано, специфична.

По понятным причинам оценочные характеристики *сложности* применительно к лингвистическим контекстам неуместны.

Для обнаружения **терминологических** и **полутерминологических** значений *сложного* в современном русском языке и речи рассмотрим список наиболее частотных сочетаний, составленный на основе ответов поисковика Яндекс (задавался запрос *сложный, сложная, сложное* + первая буква следующего слова по алфавиту, поисковик автоматически выдает первые 10 наиболее часто запрашиваемых (~наиболее устойчивых) словосочетаний):

сложный астигматизм миопический, близорукий астигматизм, вопрос, выбор, гиперметропический астигматизм, дальноточный астигматизм, дефект, дофамин, договор, дина-

¹ Ср. фильм *It's Complicated* (Всё сложно) 2009 г. режиссера Нэнси Мейерс, где героиня – владелица пекарни и мать троих детей (роль исполняет Мери Стрип) – заводит тайный роман со своим бывшим мужем (Алек Болдуин) через десять лет после развода, после чего обнаруживает, что ее тянет к другому мужчине – ее архитектору Адаму (Стив Мартин).

мический ряд, ЕГЭ, жизненный путь, желудок, зонтик, зуб, запрос, интеграл, инфинитив, коврик пасьянс, колос, контрапункт, клиент, лабиринт, миопический астигматизм, нервный механизм, назывной план, образ (Мандельштама), объект авторского права, объект капитального строительства, организм, обратный миопический астигматизм, пигментный невус, процент формула, прямой миопический астигматизм, раствор, радикал, разрыв медиального мениска, сустав, синтаксис, смешанный астигматизм, титановый, тест, трубопровод, углевод, укол, уровень, феномен, фасеточный глаз, характер, холедохолитиаз, цвет, цикл развития, человек, чертеж, шифр, шарнир, шлюз, щиток, эфир, юридический состав, язык;

сложная астигматика, атипичная гиперплазия эндометрия, альвеолярная железа, близорукость, бытовая техника, беременность, вероятность, викторина, гранулема, гиперплазия, деформация, дробь, диспозиция, двигательная реакция, женщина, зрительно-моторная реакция, интубация, инфографика, киста, коллоидная система, личность, ломаная, математическая формула, модель, неделя, натура, основа, ортопедическая обувь, продажа, производная, продукция, реакция, работа, рефлекторная дуга, система, сводка, таблица, терминология, учетная ставка, установка, функция, фигура, формула, химическая формула, цепь постоянного тока, чистка, штриховка, эмульсия, юбка;

сложное бессоюзное предложение, будущее время, вещество, выражение, глагольное сказуемое, движение, дополнение, дыхание, значение, кино, линейное уравнение, маневрирование, наречие, настоящее время, определение, оборудование, окрашивание, предложение, прилагательное, произведение, решение, содержание, сечение, техническое устройство, тригонометрическое уравнение, удаление зуба, финансовое положение, число, числительное, шиповое соединение, юридическое понятие.

Обращает на себя внимание то, что, в отличие от такого же исследования *прямой* (ср. [2, с. 324]), здесь меньше сочетаний, которые можно считать терминологическими – в списке они подчеркнуты (лингвистические термины подчеркнуты двойной линией). По всей видимости, это связано с качественным характером данного прилагательного. Больше всего терминологических сочетаний для мужского рода – 29 из 60 (из них 2 лингвистических), т.е. меньше 50%; для женского – 17 из 48, или

35% (лингвистических нет); для среднего – 18 из 31, или 58%, причем именно в среднем роде отмечается самое большое количество лингвистических терминов: 9 (50% от 18).

Большинство терминов из биологии и медицины (при этом из 60 сочетаний со *сложный* в мужском роде 8 (13%) – с термином *астигматизм*; есть также жен. син. *сложная астигматика*); единичны – из техники, математики и юриспруденции. Как мы уже сказали, относительно немногочисленны также лингвистические термины. Только для женского рода появляются (тоже единичные) термины из физики и химии.

К «**полутерминологии**» можно отнести: *сложная модель, функция, формула* и под., лингвистические (шире – филологические) полутерминологические сочетания: *сложный язык, текст, автор, поэзия, образ (Мандельштам)*.

Образование терминологических и полутерминологических значений *сложности* является следствием активного привлечения понятия *сложности* для научного объяснения мира и его отдельных частей. Так, *сложность* является частью многих научных **определений** (*Жизнь – сложная форма существования материи*).

В свою очередь, само понятие *сложности* (в разных областях жизни, культуры, науки, техники, языка) становится объектом научного осмысления – ср. (конечно, неполный) список названий научных работ по различным гуманитарным дисциплинам, посвященных *сложности*, по данным Elibrary.ru: **Методология исследования понятия «сложность»** (Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова); **Когнитивная сложность** (Е. Н. Князева); **Языковая сложность (language complexity)** (А. Бердичевский); **Сложность и простота языков: социально-эволюционное объяснение** (Н. С. Розов); **Реальность сложности или сложность реальности (информационно-коммуникативный подход)** (Э. Ю. Калинин и др.); **Сложность как характеристика постнеклассической науки** (В. П. Казарян); **Особенности языковой личности носителей когнитивного стиля: когнитивная сложность/когнитивная простота** (Д. М. Терентьева и др.); **«Цветущая сложность» и «пусть расцветают сто цветов»: есть ли разница?** (О. Л. Фетисенко); **«Новая простота» – «новая сложность»: к уточнению смыслов и генеалогии** (К. М. Курленя); **Когнитивная сложность и учебная компетентность студентов** (С. В. Щер-

баков); **«Сложность» и «сложностность» – категории развития систем управления** (М. А. Алексеев и др.); **Сложность текста – переводческая категория текста** (Л. Г. Федюченко); **Сложность концепта и эволюция его научной теории** (Л. В. Бронник); **Научно-популярный текст: сложность понимания** (И. В. Богословская); **Сложность как одно из свойств поля эмерджентности** (Н. Н. Альбеков); **Простота и сложность лингвистической терминологии** (С. А. Питина); **Сложность и простота в самопознании общества** (И. Ю. Алексеева); **Будущее культуры и образования: простота или сложность?** (О. В. Шалыгина); **Сложность культуры и сложность в культуре; Сложность, холярхия и синергия как принципы бытия человека; Сложность как предмет религиозного сознания; Сложность и усложнение: от природы к культуре** (П. В. Ополев) и т.д.

2. Оппозиция «простота ~ сложность»²

В понимании шифтерной природы *сложности* мы солидаризируемся с В. И. Карасиком, который рассматривает оппозицию «простота ~ сложность» в цикле статей, посвященных антониму *сложности* – *простоте*: «Зеркальный концепт “простота”» [12] и «Контрастивные концепты “подлинность” и “простота”» (глава в книге В. И. Карасика «Языковые ключи») [13].

Среди контрастивных концептов В. И. Карасик противопоставляет реальные и зеркальные. Реальные контрастивные концепты представляют собой эквиолентную оппозицию равноценных качеств (например, «живой ~ мертвый»), зеркальные отражают принципиально неравноценные качества, одно из которых является отрицанием какого-либо другого качества или группы качеств. К числу зеркальных концептов и относятся *простота* и *сложность*.

Сложность в цикле исследований В. И. Карасика рассматривается как возможные контрастивные корреляты *простоты*: 1) производный, 2) трудный для выполнения, 3) выделяющийся, 4) специальный, 5) обработанный, 6) хитроумный, 7) привилегированный. Сферы действительности, оцениваемой в аспекте *простоты* (и ее отсутствия, т.е. *сложности*), – труд, по-

² Часть материалов раздела впервые опубликована в нашей статье [1].

знание и социальное позиционирование, или простота как *легкость*, как *элементарность* и как *принижение*. Как видим, значения 3, 5 и 7, хотя и являются антонимами (контрастивными коррелятами) *простого*, но с трудом или совсем не могут считаться значениями *сложного*.

Как уже было сказано, в большинстве случаев *сложность* выступает маркированным понятием по отношению к *простоте*. Немаркированная *сложность* – объективная сложность естественного хода вещей, которая, хотя может включать действия, требующие навыков, многокомпонентную обстановку и составную процедуру, воспринимается как привычная; именно отказ от нее порождает трудности и проблемы (трудно заниматься не своим делом – ср. басню И. А. Крылова про кота и щуку). Такой «простой» и есть «сложный», но сложный по-особому – «правильно-сложный», и это противопоставлено «неправильно-сложному» – сложному только внешне, избыточно, фальшиво, неестественно и поэтому оцениваемому негативно. Понятно, что данное противопоставление весьма субъективно, однако сюда же следует отнести объективную *сложность*, с которой сталкиваются аутсайдеры в чужом языковом и/или культурном коллективе (она тоже обычно оценивается негативно, от нее стараются избавиться).

Интересно, что крайне немногочисленные противоположные случаи, где *сложность* выступает немаркированным членом, пересекаются с названной выше тоже немногочисленной группой «философских» контекстов с положительным значением *сложности*.

Именно в случае немаркированной *сложности* граница между *простотой* и *сложностью* является наиболее зыбкой, проницаемой и в высокой степени субъективной.

К данному явлению – так называемой **непростоте в простоте**, – реализующему уступительное значение *простоты*, относятся широко известные ситуации, где характеристика *просто* / *простой* сочетается с одновременным признанием большой сложности, более того, означает высшую степень сложности. Ср.: *Простота – это то, что труднее всего на свете; это крайний предел опытности и последнее усилие гения* (Леонардо да Винчи); *Истина – не то, что доказуемо, истина – это простота* (Антуан де Сент-Экзюпери, «Планета людей»). Такие ситуации, состояния, отношения людей и т.д. иногда

включают многие нюансы совместного опыта, возможных взаимных обязательств и претензий друг к другу. Определяющим фактором, по-видимому, является то, что в них невозможно ни одно по-настоящему простое решение, поступок, (речевое) действие, но возможно менее сложное, чем остальные. В этом смысле принятие одного решения (тем более исполнение его) в сложной и запутанной ситуации, в которой возможны многие альтернативные решения, вполне может быть сочтено «простым» – особенно людьми со стороны, не пытавшимися или не способными увидеть истинную сложность (ср.: эффект Даннинга – Крюгера: *люди с низкой квалификацией не способны адекватно оценивать действительно высокий уровень умений у других*). В действительности же принятие верного решения, с одной стороны, самое важное, с другой – самое сложное в данной ситуации (ср.: *разрубить Гордиев узел*). Иногда подчеркивается эстетический аспект «непростоты в простоте», когда найденное решение отличается неожиданным, удивляющим изяществом и красотой (*Чем выше поэт, тем больше чем общечеловечественнее содержание его поэзии, тем проще его создания, так что читатель удивляется, как ему самому не вошло в голову создать что-нибудь подобное: ведь это так просто и легко!* (В. Г. Белинский)); такая красота ценится в науке не меньше, чем в искусстве (ср.: принцип Бритвы Оккама: *простота равна совершенству*).

Отдельное микроисследование мы посвятили «непростоте в простоте», используемой в качестве характеристики **речевых интенций** [1, с. 24–30]. В качестве материала рассматривались контексты, выданные НКРЯ (художественный подкорпус) на поиск «запятая – тире – *просто* сказал / *просто* сказала». Их оказалось гораздо больше половины: *просто* сказал – 397 документов, 473 примера (из них могут быть охарактеризованы как «непростота в простоте» ок. 300, или ок. 60%), *просто* сказала – 187 документов, 204 примера (из них «непростота в простоте» – более 150, или ок. 75%).

Конкретные семантические и прагматические смыслы, являющиеся в данных контекстах источниками «непростоты в простоте» / речевые интенции «непростоты в простоте», весьма разнообразны – от общеэтикетных до конкретно-личностных. Наиболее частотные: признание в любви, раскрытие (важной) информации о себе

и об обоих собеседниках, выражение «простых» (и поэтому, скорее, не одобряемых в обществе) чувств: зависти, злорадства, безудержного веселья, просьба (о важном), а также выраженно конфликтные отказ, обвинение, инвектива:

– Я разлюбила вас, Афанасий Иванович, – **легко и просто сказала она** (Б. Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова);

– Иди ко мне, – **просто сказала она**, и снова протянула к нему руки (Сергей Осипов. Страсти по Фоме);

– У меня к тебе просьба, – **просто сказала**

она, подумав, что так еще и лучше – без лишних слов, сразу о деле (Василь Быков. Знак беды);

– Замуж пора, – брякнул Костя. – Была, – **просто сказала Нина** (Василий Шукшин. Хахаль);

– Все украл. Все, – неожиданно **просто сказала Серафима** (Андрей Житков. Супермаркет).

Попытка систематизировать речевые интенции «непростоты в простоте» по сферам и прагматическим смыслам представлена в таблице.

Представленность «непростоты в простоте» в различных сферах

Тема / сфера		Пример	Антоним	«Простота в непростоте» для данной сферы (реконструируемые ситуации)
Несоциальная	материал	Простое колечко	Золотое, драгоценное	–
Социальные неинформационные	социальный статус	Простой народ	Богатый, знатный	–
	коммуникативный регистр (официальный ~ неофициальный)	Простое обращение	Официальное	–
	отношения	<i>Ну, простыми их отношения не назовешь</i>	Запутанные, плохие	<i>Я тебя люблю, – просто сказала Вера; Я тебя не люблю, – просто сказала Вера; Я согласна стать твоей женой, – просто сказала Вера; Мы расстаемся навсегда, – просто сказала Вера.</i>
	фатика	Простой разговор по душам	Неповседневный, праздничный, особенный	<i>Мне тоже было страшно, – просто сказала она (А. Приставкин); Там наконец и обрел вечный покой прах этой женщины, которая однажды очень просто сказала о Наполеоне и о себе: «Тот, кто видел мир у своих ног, был у моих» (Н. Троицкий).</i>
Социальные информационные	задание	(Не)простое задание	Сложное, трудное, трудновыполнимое	<i>Я сделала, – просто сказала Вера; Да, ты это сделаешь, – просто сказал Иван Иванович.</i>
	задача	(Не)простая задача	Сложная, трудная	<i>[верное решение трудной задачи], – просто сказала / ответила Вера.</i>

Здесь, как видим, сложность как антоним простоты (в позиции непростоты в простоте) имеет место, прежде всего, в социальной информационной сфере.

3. Лингвистические контексты

В лингвистические контексты сложности входят:

1) сложность языка (языка в целом, конкретных национальных языков, отдельных аспектов языковой системы и единиц);

1_а) названные выше лингвистические термины со *сложный* (выделяемые Яндексом и т.п.);

1_б) сложность языков: наиболее распространенным у лингвистов и нелингвистов является мнение, что представление о сложности того

или иного языка субъективно и зависит от того, какой язык родной для оценивающего субъекта (для носителя русского языка китайский сложнее, чем украинский; ср. англ. *It's Greek!*; предпринимались и предпринимаются также попытки выявить объективную сложность различных языков³);

1_в) общие представления о языке как сверхсложной семиотической системе: хотя, как уже было сказано, в традиционной лингвистике термины со *сложный* называют маркированные единицы, в современных содержательно ориентированных концепциях, таких как теория непрямо́й коммуникации, лингвосинергетика, *сложность* понимается иначе. Так, в теории непрямо́й коммуникации именно «неупорядоченная» непрямо́я коммуникация выступает как первичная по отношению к прямо́й коммуникации, основанной на языковых структурах и буквальных значениях языковых единиц. При этом именно НК является более сложной, поскольку невозможна автоматическая идентификация знака, а требуется, наоборот, расширенная и осложненная интерпретация, привлечение дополнительных, кроме собственно языковых, источников смысла [15–17];

2) сложность текста, речевой коммуникации, включая психологическую и социальную сложность отношений людей⁴. Сюда относятся:

2_а) сложность словесного творчества («сложная поэзия», понятная не всем);

³ В статье «Языковая сложность» А. Бердичевского [14] рассматриваются зарубежные работы последних лет, посвященные описанию и теоретическому осмыслению параметра «языковой сложности». Основные выводы, к которым приходит автор, – распространенное представление о том, что все языки одинаково сложны, неверно. Более того, можно не только ранжировать языки по сложности, но и пытаться измерить сложность языка количественно: такие измерения показывают, что сложность языка зависит от социальных параметров (продемонстрирована отрицательная корреляция сложности с размером общества и интенсивностью контактов с носителями других языков, а также положительная корреляция с теснотой социальных сетей).

⁴ Интересно, что в повседневной речи (бытовой логике) применительно к речи / речевой коммуникации *сложный / сложность* используется, скорее, редко (в отличие и от *прямо*, и от *просто*). Ср. ситуации сведения сложного к простому (не упрощения) с фразами типа: *А что здесь сложного?*, притом что *??А что здесь простого?* воспринимается, скорее, неестественно (зато можно: *Не так-то это просто!*, ...*Нет, это / всё не так просто (как ты думаешь)*). Ср. также довольно распространенный призыв: *Не усложняй!*, при этом не менее распространенным является тоже негативный комментарий *Ты упрощаешь!* (хотя есть прагматические различия, прежде всего, по сферам: первая – бытовая; вторая – скорее научная).

2_б) сложность идиоматики, фразеологизмов, метафор (с этой сложностью чаще сталкиваются аутсайдеры, иностранцы, но и носители языка тоже, прежде всего, в речи других поколений и других социальных слоев);

2_в) экзотизмы;

3) метаязыковая сложность и попытки ее преодоления. Значительная часть метаязыковых исследований, моделей, конкретных метаязыков посвящена сведению сложности описываемых языковых и речевых феноменов к простым кодам, процедурам и их комбинациям.

Приведем один пример – **семантический метаязык А. Вежицкой** (далее – МЯ АВ), представляющий собой набор предельно простых семантических элементов («примитивов»), которые, по мысли автора, могут быть успешно использованы для описания и объяснения всех сложных и сверхсложных языковых и речевых феноменов во всех языках мира (чтобы было понятно любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу») [18–23]. МЯ АВ широко известен, активно используется лингвистами – последователями А. Вежицкой – в большом количестве случаев успешно, но не всегда: у МЯ АВ обнаруживаются границы, имеющие не только метаязыковую, но и общесемиотическую природу [24–30].

Считаем полезным кратко рассмотреть эти границы, обусловленные, как представляется, двумя главными факторами.

Во-первых, известный парадокс описаний А. Вежицкой кроется в национальной маркированности ~ немаркированности: то, что очень сложно описывается и объясняется на МЯ АВ, воспринимается как простое в своей культуре: как правило, не требует ни определений, ни объяснений, а, наоборот, выступает простым / немаркированным членом оппозиций в других парах, с помощью которого объясняются другие единицы. Простота МЯ АВ, как и простота всех лингвистических метаязыков, определяется заданными системами координат: внутри системы явление воспринимается как простое, за пределами (а значит, и объективно) – как сложное и сверхсложное. «Непростота в простоте» присуща многим национально специфичным, даже ключевым для данной культуры (например, русской) феноменам: *истина*, *душа*, типам человеческих отношений (*общение*, *справедливость*), ситуаций взаимодействия и жанров речи (*разговор*

по душам). Распространенными являются выражения: *простые истины, простая душа (простодушный), простой разговор по душам*.

Во-вторых, границы МЯ АВ обусловлены разными семиотическими типами *сложности* языковых, речевых, текстовых явлений.

Главной задачей использования МЯ АВ можно считать анализ и описание, а тем самым – *преодоление языковой сложности*. При этом природа *языковой сложности*, о которой идет речь, совершенно иная, чем, например, в бытовой логике, естественнонаучной, формальной (математической): *языковая сложность* в основном состоит в отличиях, «отступлениях» языка от этой формальной логики, невозможности свести все оттенки смыслов, закодированные в языковых / речевых единицах, к семиотическим смыслам, кодируемым в знаках и кодах формальных систем, которыми оперируют естественные логики.

Среди языковых и особенно речевых / текстовых единиц встречаются знаковые феномены разной семиотической природы, относящиеся к разным типам знаковых систем. МЯ АВ, хорошо себя показавший при толковании одних типов знаков, оказывается принципиально несовместим с другими (например, формальными кодами наподобие математических), что не говорит о его несостоятельности.

При выделении типов знаков и знаковых систем мы опираемся на известную семиотическую типологию А. Соломоника, который выделяет пять типов / стадий развития знаковых систем: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; системы записи; кодовые системы. Именно в такой последовательности, по мнению А. Соломоника, эти системы кодирования реальной жизни появляются в онтогенетическом развитии человечества и в филогенезе отдельного индивидуума. При этом в основе всех особенностей знаковых систем лежит степень абстракции базисного знака и его «удаленности» от обозначаемого: естественным системам соответствует знак в виде материального реального предмета или явления (например, ярко-зеленая трава в определенных условиях может указывать на наличие в данном месте болота); образным системам соответствует образ (например, жесты, вывески, дорожные знаки); языковым системам – слово; системам записи – буква или иной аналогичный символ; кодовым системам – символ. Каждый тип знака

отражает действительность особым образом: естественный знак – указывает; образ – отражает; слово – описывает; буква – фиксирует; символ – кодирует [31, с. 116–117].

Описанию через МЯ АВ, т.е. успешному преодолению *языковой сложности*, по-видимому, подлежат знаки третьего и четвертого типа / этапа систем (т.е. собственно язык: устный и письменный).

Явно непригоден МЯ АВ для первого типа (попробуйте объяснить на МЯ АВ, чем отличается след волка от следа рыси) и пятого (попробуйте объяснить на МЯ АВ «любому папуасу» функцию квадратного многочлена).

Однако МЯ АВ хорошо описывает и знаки второго типа (образные) (А. Вежбицкая сама описывала жесты: показала, что жесты-улыбки обладают универсальным смыслом, независимым от контекста и культурных языковых конвенций, что обуславливает их объединение в класс улыбок [32, р. 590]).

Сложнее с четвертым типом: с одной стороны, на МЯ АВ часто «переводят» письменные тексты (А. Вежбицкая сама неоднократно делала это), с другой – собственно правила письма не поддаются описанию на МЯ АВ (попробуйте объяснить на МЯ АВ «любому папуасу», когда в русском языке наречия пишутся слитно (*вплотную*), когда раздельно (*в открытую*)).

Реальность такова, что общение на языке (речь, текст) сочетает знаки разных – всех! – типов. Так, знаки пятого типа присутствуют в системе наряду с многозначными словами, метафорами и т.п. по принципу, который Э. Бенвенист определил как сочетание в системе языка признаков знаковых систем семантического и семиотического типа [33, с. 88]. В реальной коммуникации всегда есть невербальные компоненты – знаки второго типа; а фоносемантика раскрывает значение в языке и речи и знаков первого типа.

Заключение

Подведем итоги. Лингвистические значения сложности производны от первоначальных нелингвистических, как и они, обусловлены асимметрией оппозиции «простота ~ сложность». В терминологических и полутерминологических лингвистических контекстах *сложность* в большинстве случаев выступает маркированным членом оппозиции, хотя есть исключения, связанные с конкретной линг-

вистической информацией, содержащейся в контекстах, а также точкой зрения автора текста – лингвиста.

Ряд аспектов, затронутых здесь, требует более глубокого рассмотрения, в частности этимологический: изначально основное значение *сложный* как *сложЕНный*, ядром которого была, очевидно, формальная, механическая многокомпонентность, перестает быть таким: сейчас ядром семантической структуры *сложного* является *трудный, трудновыполнимый, трудный для понимания*, т.е. произошло смещение от формального измерения к содержательному. Эти изменения актуальны для внутренней формы многих терминов, рассмотренных нами, в частности лингвистических.

Список литературы

1. Дементьев В. В. «Просто сказал / сказала»: простота как характеристика речевых интенций // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. 2023. № 2. С. 19–36.
2. Дементьев В. В. Категория прямоты в лексике и прагматике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 322–328. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-322-328>, EDN: TXJRAG
3. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 26 / ред. Е. Пурицкая, Е. Беяева, А. Марина. М. : СПб. : Наука, 2019. 696 с.
4. Мартыненко Е. П. «Сложная простота»: от метафоры к понятию // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 96–104. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/8>
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1488 с. (Studia philologica).
6. Hawking S., Mlodinow L. The Grand Design. London : Bantam Books, 2001. 315 p.
7. Shosted R. K. Correlating complexity: A typological approach // Linguistic Typology. 2006. Vol. 10, iss. 1. P. 1–40. <https://doi.org/10.1515/LINGTY.2006.001>
8. Deutscher G. «Overall complexity»: A wild goose chase? // Language complexity as an evolving variable / ed. by G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 243–251. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199545216.003.0017>
9. Ojokoh B., Emmanuel A. A review of question answering systems // Journal of Web Engineering. 2018. Vol. 17, iss. 8. P. 717–758. <https://doi.org/10.13052/jwe1540-9589.1785>
10. Соломоник А. Философия суперсимметрии // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 166–182. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-166-182>, EDN: ECPHXZ
11. Solovyev V., Solnyshkina M., McNamara D. Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods // Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26, № 2. P. 275–316. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30161>
12. Карасик В. И. Зеркальный концепт «простота» // Вестник Харьковского университета. № 726. Серия: Романо-германская филология. Вып. 49. 2006. С. 5–14.
13. Карасик В. И. Контрастивные концепты «подлинность» и «простота» // Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. С. 118–162.
14. Бердичевский А. Языковая сложность (language complexity) // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124. <https://doi.org/10.31857/SX0000392-4-1>
15. Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 428 с.
16. Дементьев В. В. Актуальные проблемы непрямой коммуникации и ее жанров: взгляд из 2013 // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 22–49. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2014-1-2-9-10-22-49>, EDN: TIBWRH
17. Прямая и непрякая коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов : Колледж, 2003. 354 с. EDN: VNPPQT
18. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
19. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки славянской культуры, 1999. 791 с. (Язык. Семиотика. Культура).
20. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. 272 с.
21. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
22. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M. : Athenäum-Verl, 1972. 235 p.
23. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin : Mouton de Gruyter, Incorporated, 1991. 515 p. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs [TiLSM], vol. 53). <https://doi.org/10.1515/9783112329764>
24. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, № 4. С. 27–40. EDN: PZQPSP
25. Апресян Ю. Д. О творчестве Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / сост. А. Д. Кошелев. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 10–14. EDN: RUUAVL
26. Шмелев А. Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. С. 9–13.

27. *Bartmiński J.* In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22, № 4. P. 749–769. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-749-769>
28. *Mel'čuk I. A.* Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22, № 3. P. 521–538. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-521-538>
29. *Серуо П.* Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // *Политическая лингвистика*. 2011. № 1 (35). С. 30–40.
30. *Pavlova A. N., Bezrodnyi M. V.* How to catch a unicorn? The image of the Russian language from Lomonosov to Wierzbicka // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 32. С. 71–95. EDN: ZQOVCV
31. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М. : Молодая гвардия, 1995. 352 с.
32. *Wierzbicka A.* Human emotions: universal or culture-specific? // *American Anthropologist*. 1986. Vol. 88, iss. 3. P. 584–594. <https://doi.org/10.1525/aa.1986.88.3.02a00030>
33. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.

Поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024;
принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 06.08.2024; approved after reviewing 09.08.2024;
accepted for publication 14.11.2024; published 28.02.2025